

Дмитрий Владимирович ПоповОмская академия Министерства внутренних дел России, кандидат философских наук, доцент,
начальник кафедры философии и политологии, Омск, Россия
e-mail: dmitrivpopov@mail.ru**Поворот от суверенной власти к биовласти в творчестве Ф. Кафки:
антиномия приговора и процесса**

Аннотация. Статья посвящена изучению различий между суверенной властью и биовластью на примере произведений Ф. Кафки. В рассказе «В исправительной колонии» воссоздается дисциплинарное общество, управляемое суверенной властью. Господствующие техники дисциплинаризации с использованием избыточного насилия позволяют суверенной власти управлять, полагаясь на произвол. В романе «Процесс», напротив, демонстрируются типичные для биовласти процедуры нормализации, широко применяемые в ходе регуляции жизнедеятельности населения. Для биовласти приоритетен бесконечный процесс без вынесения приговора. Процесс позволяет «нормализовать» человека, встроив его в телеологию биовласти. Не прошедшие подобной «доместикации» отбраковываются. И в случае суверенной власти, и в случае биовласти диалектика приговора и процесса протекает без прямого обращения к закону. Выстраиваемая система непосредственных взаимодействий между агентами власти и гражданами подменяет собою закон.

Ключевые слова: человек, биополитика, биовласть, суверенная власть, норма, право.

Dmitry V. PopovOmsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Philosophy and Political Science, Omsk, Russia
e-mail: dmitrivpopov@mail.ru**The Turn from Sovereign Power to Biopower in the Works of F. Kafka:
Antinomy of Verdict and Trial**

Abstract. The article is devoted to the study of the differences between sovereign power and biopower on the example of the works of F. Kafka. In the story "In the Penal Colony", a disciplinary society is recreated, governed by a sovereign power. The prevailing techniques of disciplinarization with the use of excessive violence allow the sovereign power to govern relying on arbitrariness. In the novel "The Process", on the contrary, the normalization procedures typical for the biopower are demonstrated, which are widely used in the course of regulating the vital activity of the population. For the biopower, the priority is an endless trial without a verdict. The process allows you to "normalize" a person by integrating him in the teleology of the biopower. Those who have not passed such "domestication" are rejected. Both in the case of sovereign power and in the case of biopower, the dialectic of sentence and process proceeds without direct reference to the law. The system of direct interactions between government agents and citizens replaces the law.

Keywords: human, biopolitics, biopower, sovereign power, norm, law.

Введение (Introduction)

Исследование биополитики сталкивается с проблемой соотношения суверенной власти и биовласти. Этот вопрос по-разному трактуется М. Фуко, Р. Эспозито, М. Хардтом, А. Негри и Дж. Агамбеном. Произведения Ф. Кафки содержат примеры, проливающие свет на различия между двумя типами власти над человеком.

Методы (Methods)

В статье используется констелляция сравнительного, диалектического, герменевтического методов, а также элементов фукодианской методологии археологии знаний.

Литературный обзор (Literature Review)

Автор для достижения цели исследования использует тексты Ф. Кафки («Процесс», «Замок», «В исправительной колонии»), философскую критику творчества Ф. Кафки (В. Беньямин, Т. Адорно, Ж. Делез, Ф. Гваттари), а также работы М. Фуко, Дж. Агамбена, Х. Арндт, Э. Юнгера и М. де Серто, имеющие прямое отношение к биополитике.

Результаты и обсуждение (Results and Discussions)

В рассказе «В исправительной колонии» Ф. Кафка создает образ крушения того типа власти и общества, которые М. Фуко обозначил, соответственно, терминами

суверенная власть и дисциплинарное общество. Воплощает эту суверенную власть судопроизводство, исповедующее принцип «заставить умереть или позволить жить» [1, с. 254–255]. Суверенная власть носит всеобъемлющий характер. Для нее жизнь — эта прирожденная собственность человека — является владением, от которого суверенная власть в случае невыполнения обязательств подданного всегда может отказаться, в назидательных для населения целях продемонстрировав избыточную жестокость. Жизнь человека — то, ближе чего ему нет, — заложник в руках суверенной власти.

Само «право суверенной власти на жизнь начинается с момента, когда у суверена появляется право убить. В конечном счете именно это право действительно содержит в себе самую сущность права на жизнь и смерть: именно в момент, когда суверен может убить, он подтверждает свое право подданного» [1, с. 254]. Описанная Фуко казнь Дамьена [2] — театрализованный публичный акт мести и устрашения, острием своей чудовищной кровожадности направленный в сердца подданных как с целью профилактики преступлений, так и с целью дисциплинаризации населения. В рассказе Кафки офицер исправительной колонии — последний протагонист старого порядка — олицетворение законодательной, судебной и исполнительной власти в одном лице. Более того, он не только олицетворение закона, прокурор, судья и церемониймейстер казни, но также и технический персонал по обслуживанию «машины смерти». Он подготавливает сложно сконструированную машину казни, которая в течение 12 ч. будет выводить на теле осужденного узоры и приговор (в рассказе упоминаются приговоры «Чти начальника своего!» и «Будь справедливым!»), постановленный за провинность офицером — судьей — палачом. Вот уж поистине «нет права, которое не было бы записано на телах» [3, с. 249]! Офицер с ностальгией вспоминает: «Уже за день до казни вся долина была запружена людьми; все приходили ради такого зрелища... На виду у сотен людей... экзекуция начиналась! Никаких перебоев в работе машины никогда не бывало... все знали: сейчас торжествует справедливость... Невозможно было удовлетворить просьбы всех, кто хотел поглядеть с близкого расстояния. Комендант благоразумно распорядился пропускать детей в первую очередь... Как ловили мы выражение просветленности на измученном лице, как подставляли мы лица сиянию этой наконец-то достигнутой и уже исчезающей справедливости! Какие это были времена, дружище!» [4, с. 379]

Однако времена меняются. И об этом свидетельствуют не только сбои в ржавяющем механизме машины казни, но и неприемлемость машины правосудия, следствием которой стала подобная экзекуция. «Вынося приговор, я придерживаюсь правила: "Виновность всегда несомненна". Другие суды не могут следовать этому правилу, они коллегияльны и подчинены более высоким судебным инстанциям. У нас всё... было иначе» [4, с. 374]. Суверенная власть единолично вершит судьбу человека, подвластного и уже поэтому виновного, осуждая и обрекая его на муки в назидание обитателей исправительной колонии к их же, как она полагает, благу. Но эта «машина явно разваливалась, ровный ее ход был обманчив» [4, с. 386]. В парадоксальной логике

рассказа офицер, так и не заручившись ничьей поддержкой, казнит себя, а машина в ходе казни окончательно разрушается. Итак, модель суверенной власти ниспровергается, ей на смену приходят более гуманные технологии управления. Правда, поучительна эпитафия на заброшенной могиле старого коменданта — создателя машины казни и олицетворения суверенной власти — если принять во внимание, что рассказ написан в 1914 г.: «Здесь покоится старый комендант... Существует предсказание, что через определенное число лет комендант воскреснет и поведет своих сторонников отвоевывать колонию из этого дома. Верьте и ждите!» [4, с. 387–388] Судя по всему, в событиях XX в. мятежный дух старого коменданта возрождался многократно.

Перейдем к тому типу власти, который наследует власти суверенной. В логике М. Фуко — это биовласть. Она ценит население, заботится о его здоровье, в ходе применения целого арсенала инструментов прибирая к своим рукам тела и жизни людей. Для биовласти население — средство достижения собственных целей, но это такое средство, о котором следует заботиться, в которое следует инвестировать. Чем благополучнее и энергичнее население, тем больше от него отдача. Население — основа биокапитализма, военной мощи, процветания и, как итог, самосохранения биовласти. В стремлении к выживанию и самосохранению интенции индивида как биологического существа и биовласти совпадают, так что жизнь индивида тотально включается в телеологию биовласти. Биовласть активно развивает науку, технику и бюрократию. Она стремится к регуляции (лат. *regulare* — направлять, упорядочивать; лат. *regula* — линейка, мерка; и даже праиндоевр. *reg* — выпрямлять) жизнедеятельности населения на основании научных методов, при помощи технических инструментов, с использованием рационально функционирующих институтов.

В романе Ф. Кафки «Процесс» обнаруживается противоречивое воздействие биовласти на право на этапе преобразования суверенной власти в биовласть. Главный герой — Йозеф К. — успешный и перспективный банковский служащий, в отношении которого начинается «процесс» — длительная тяжба, которую ведет неуставленная судебная инстанция, от имени которой скрытым образом действуют неуставленные должностные лица. Атмосфера «процесса» — анонимность, обезличенность, неопределенность, неясность целей, причин, методов и средств. Более того, «процесс» потенциально безграничен во времени и необозрим во всем объеме для суда, на что прямо указывает адвокат. Исходы «процесса» — действительное и мнимое оправдание либо затягивание «процесса». «Тут есть три возможности: действительное оправдание, мнимое оправдание и затягивание процесса... В законе — я, впрочем, его не читал, — естественно, написано, что невиновный подлежит оправданию, но, с другой стороны, там не написано, что на судей можно повлиять. Ну, а я на своем опыте убедился как раз в обратном. Я не знаю ни одного случая действительного оправдания, но я очень хорошо знаю много случаев влияния на судей» [5, с. 181–183]. Действительное оправдание, если «процесс» начался, невозможно. Мнимое оправдание может в любой момент завершиться новым

арестом, а затягивание «процесса» не снимает обвинения. В этом отношении «процесс» поглощает жизнь в стремлении стать ее формой и основным содержанием.

Ясно одно — «процесс» развивается, всё более вовлекая в себя К. Анонимность фигуранта «процесса» указывает на ординарность события, подобные процессы многочисленны и подобны описанному. Внешне беспричинному началу «процесса» находится объяснение — «вина притягивает суд» [5, с. 47]. Утверждение, как оказывается впоследствии, небезосновательное, но не имеющее отношение к нарушению закона. Собственно, о законе речи и не идет. Закон пылится на полке — он вынесен за скобки «процесса». «Процесс» вовлекает К. во взаимодействие с околосоудной бюрократией, от решений которой и от конструирования отношений с которой зависит исход «процесса».

Случайную избирательность «процесса» можно выразить символом, отраженным в логотипе известного телесериала *Better Call Saul* («Лучше звоните Солу»). Логотип представляет собою весы богини Правосудия, подобно рулетке вращающиеся вокруг своей оси, что указывает на предвзятость, капризность, прихотливость и даже возможную продажность правосудия. Кафка предвосхищает этот символ, но как дополнение к еще более сложной идее преследующего и карающего правосудия. «— Это Правосудие, — сказал наконец художник. — Да, теперь я узнаю ее, — сказал К., — вот повязка на глазах, а вот весы. Но вот это что же, у нее на пятках крылья, и она бежит? — Да... это, собственно говоря, совмещенная богиня: Правосудие и Победа в одной фигуре. — Не лучшее сочетание... Правосудию нужно спокойствие, иначе весы покачнутся и справедливый приговор станет невозможен...» [5, с. 173–174] Как следствие, подобным образом изображенная богиня «уже почти не напоминала богиню правосудия — и богиню победы тоже, она теперь, скорее, выглядела совершенно как богиня охоты» [5, с. 173–174]. Итак, Правосудие неотвратимо и победоносно в... охоте. Учитывая произвольность инициирования «процесса» и известные цели охоты, в фигуре обвиняемого угадывается *homo sacer*, описанный Дж. Агамбенном как тот, «которого можно убить, но нельзя принести в жертву», ведь его «человеческая жизнь включена в существующий строй только через ее исключение (то есть через возможность беспрепятственно отнять ее)» [6, с. 16].

Всё это отсылает нас к сущности биовласти. Биовласть обращена к жизни человека. Инструменты биовласти направлены на регуляцию жизнедеятельности населения. Биовласть удерживает жизнь человека в поле своего внимания на всём ее протяжении. Ввиду масштабов регуляции одной из важнейших для биовласти становится пришедшая из области медицины и приобретшая универсальное значение процедура нормирования (напомню, что само слово регуляция происходит от «линейки», «мерила» и «выпрямления»), направленная на выяснение степени соответствия индивида «норме» того, «линейкой» чего осуществляется измерение. В случае, если индивид не соответствует норме, осуществляется нормализация, выражающаяся в медицинском уходе, воспитании, повышении успеваемости, профессиональной пригодности или степени лояльности — нормализация как деятельное «выпрям-

ление» индивида зависит от характера нормы и специфики учреждения, обслуживающего определенную норму. Простейшая и близкая по духу дрессировка муштра со времен Морица Оранского прижилась в армии. Зубрежка как форма интеллектуальной муштры перекечевала в школу. В этих примитивных инструментах нормализации присутствует элемент насилия, и это естественно для биополитического воздействия, вобравшего в себя дух *homo faber*'a — ремесленника, делающего из заготовки очередную вещьцу. Конечная цель нормализации — увеличение отдачи от наиболее трудоспособной, энергичной, «нормальной» части населения. Обратной стороной нормирования и нормализации выступает отбраковка. «Нормирование осуществляет функции отбора и отбраковки на каждом уровне социальной организации. Отобрать тех, кто по своим способностям максимально эффективно осуществит ту или иную функцию, — значит найти оптимум отбора/отбраковки» [7, с. 41].

Но тогда эта странная богиня Правосудия, Победы и Охоты, надев повязку на глаза и случайным образом затеяв «процесс» против Йозефа К., неожиданно становится воплощением биовласти — она, преследуя и испытывая К., применяет к нему нормализацию исходя из той нормы поведения, которая сложилась в обществе во взаимодействии агентов биовласти в качестве должностных лиц судопроизводства и граждан. Перед К. открыты возможности компромисса и противостояния. Путь компромисса означает поражение, подчинения произволу, но и потерю интереса суда. Противостояние также означает поражение, но в условиях пристального внимания суда, а значит, поражения тотального — губельного. Ведь перед нами богиня Победы, оснащенная навыками преследования богини Охоты и по-своему вершащая справедливость как богиня Правосудия. В такой перспективе обнаруживается, что не вина притягивает суд, как было заявлено ранее, а несоответствие норме. Биовласть, применяя средства нормализации, исправляет ради возвращения индивида в общество, преследующее цели биовласти. Неисправимые, в зависимости от стратегии биовласти, варьирующейся от мягкой инклюзивной (конфирмантропной) биополитики до умеренно либо последовательно жесткой эксклюзивной (негантропной) биополитики, отсеиваются. Именно фатальный путь собственной эксклюзии выбирает К. И этим объясняется, почему «процесс» в его отношении начался. Странную богиню Правосудия притянула едва уловимая до «процесса» «ненормальность» К. Богиня Правосудия — охотница за ненормальностью с целью исправления. И в этом она — воплощение биовласти. Ведь именно в биополитике формируется «ось исправимой неисправимости, на которой-то и возникнет позднее, в XIX веке, индивид ненормальный. Другая же ось, ось неисправимой исправимости, станет стержнем всех специальных институтов для ненормальных, которые сложатся в XIX веке» [8, с. 83].

«Процесс» лишь ярко проявил в своем развитии уже давно оформившееся желание К. оставаться собой, не принимать во внимание настойчивое желание среды увидеть знаки готовности подчиниться ей, что выразилось в упорном избегании контактов и сделок с агентами «нормы» — служащими Фемиды-Артемиды: следователями, адвокатами,

обитателями судебных канцелярий, охранниками, надзирателями, карателями и даже судебным капелланом.

Ненормальность Йозефа К. проявилась в том, что он не способен жить в «процессе»; желает не находиться в «процессе», быть вне «процесса»; не может сжиться с теми едва уловимыми правилами, к которым нужно себя приучать, будучи в «процессе». В К. нет должной гибкости, он пытается сохранить свою до-процессуальную идентичность, не проявляя податливости, угодной «процессу». К. не принимает лиц, участвующих в «процессе», не внимателен к статусам и ролям, не перестает обращать внимания на бесцельность, неопределенность и нерациональность «процесса», будучи чужд чистой (голой) процессуальности. К. не растворяется в своем процессуальном положении, он инороден ему. В этом несомненная вина и ненормальность К. — он, став частью средоточия социального броуновского движения, в чердачном пространстве судебных канцелярий почти прикоснувшись к «музыке сфер», издаваемых шестеренками судебной машины, всё еще испытывает головокружение от спертго воздуха канцелярий и бежит прочь из суда, не проявляя должного интереса к своему «процессу». Ненормальность К. обличает его, он не приспособлен жить в «процессе», а значит, нежизнеспособен, аномален и монструозен для социального мира, в котором «процесс» возобладали над законом и здравым смыслом, превратив саму жизнь в поток процессуальной трансформации в неопределенном направлении. И если К. ненормален до степени неисправимости, то его вина доказана, а сам он подлежит выведению из «процесса», как он и мечтал, без того, чтобы пострадал процессуальный характер существования самого общества. Увы, К., выходя из «процесса», неминуемо устраняется и из общества. «Приговор по делу возникает не вдруг, само производство по делу постепенно переходит в приговор» [5, с. 251]. Упорное желание К. не становиться шестеренкой «процесса» предопределяет его судьбу. Исправность процессуальной машины милее биовласти, чем деталь по-своему пригодная, но не прилаживаемая к функционирующему механизму.

Следует обратить внимание на то, что биовласть, во-первых, процессуальна по своей сути; во-вторых, обладает свойствами мегамшины; в-третьих, на разных этапах своего становления разворачивает различные стратегии, меняющие соотношение инклюзия/эксклюзия и отбор/отбраковка. Со временем биовласть смягчается, вынужденная идти на уступки с целью вовлечения населения в собственные проекты, биовласть становится более гуманной. Гуманизация биовласти в том числе свидетельствует об укреплении ее позиций, ведь настоящая власть, если следовать Х. Арендт [9], не прибегает к насилию, насилие — свидетельство слабости власти.

Х. Арендт обратила внимание на важное свойство модерна, являющееся следствием усиливающегося отчуждения человека от мира ввиду картезианского поворота к разуму как «мере всех вещей» в новой, конструируемой самим человеком как субъектом (дословно, «подлежащим») картине мира. В науке Нового времени неожиданно была открыта историчность, процессуальность мира. «Новый перенос постановки вопроса с «почему» и «что» на «как» несет с собой

то, что предметы познания являются процессами возникновения, а не вещами или вечными законами движения, т. е. объект исследования теперь собственно не природа или вселенная, а история...» [10, с. 387] В науке Нового времени, выбравшей в качестве Архимедовой точки опоры, способной перевернуть мир, человеческий разум и сместившей взгляд с поверхности Земли в перспективу взгляда из космического пространства, создав тем самым «космическую универсальную науку в отличие от науки о природе» [10, с. 353], «процесс» вытеснил «закон», став единственно возможным способом постижения закона. Логика *homo faber'a* — демиурга вещей — стала логикой ученого. Развитие стало предметом познания, «а понятие развития есть неизбежное следствие того, что познание природы увидело себя зависимым от процессов, которые имитировала и воспроизвела в эксперименте инженерная гениальность *homo faber'a*; природа, встречающая нас в эксперименте, есть по сути дела "процесс", и все всплывающие в эксперименте природные вещи суть не что иное как функции или экспоненты этого процесса. Так понятие процесса выдвигается на место, прежде занятое понятием бытия, или бытие вообще воспринимается лишь как процесс» [10, с. 388]. Но точно так же логика *homo faber'a* стала и логикой биовласти. Биовласть находится в потоке становления — в потоке рождения и смерти самой жизни — она имеет дело не с раз и навсегда застывшей реальностью, а с чередой вех, каждая из которых лишь указывает дальнейшее направление развития. Поскольку до известной степени форма и содержание биологической жизни как таковой совпадает (жизнь есть воля к жизни, стремление продлевать жизнь, выживать), постольку биовласть находится в потоке деятельного продления жизни.

Особенно становлению этой процессуальной картины мира способствует техника и ее непрерывное совершенствование. Э. Юнгер [11] — певец «работы», замены общественного договора «рабочим планом» — полагал, что грядет эпоха завершенности технического развития с ее высоким и законченным стилем, но этот бесконечно отдаляющийся рубеж отодвинут в будущее, а это означает, что настоящее заполнено неопределенностью. Вместе с тем процессуальное течение жизни не противоречит мегамашинной сборке социального. Юнгер употреблял термин «органическая конструкция» для обозначения симбиоза людей и машин, в котором и сами люди становятся машиноподобны, и машины становятся «аватарами» жизни, сливаясь с людьми. И здесь можно упомянуть о том, что биовласть средствами рационального мышления, науки, техники и бюрократии расчеловечивает до степени растворения человека в порожденной биовластью машинерии. «У чиновников отсутствуют связи с населением... когда они встречаются с каким-нибудь совсем простым случаем, равно как и с особенно трудным, они часто оказываются беспомощны из-за того, что постоянно, день и ночь повязаны своим законом, поэтому у них отсутствует правильное понимание человеческих взаимоотношений, и его им в этих случаях очень не хватает» [5, с. 142]. Неестественное, машинообразное процессуальное существование ведет к тому, что «чиновники всегда раздражены, даже когда они кажутся

спокойными» [5, с. 143]. «Всегда мстительное чиновничество» — этот обобществленный homo faber юридического универсума, низведенный до уровня animal laborans — трудящегося животного, в поте лица своего возделывающего ниву бесконечного юридического процесса — «этот гигантский судебный организм», который «всегда находится в неустойчивом равновесии» [5, с. 144–145] подобен «Комбинату» К. Кизи, представляя один из его цехов.

Наконец, обратим внимание на внеправовой характер сцепления судебного организма и населения. На таковую в «Процессе» указывает притча о страже, который специально приставлен к воротам Закона, чтобы не допускать вовнутрь входящих к Закону. Будучи вежлив, страж отклоняет просьбу пропустить посетителя, намекая на такую возможность в будущем. В общем-то страж и не препятствует, но предостерегает заходить: «Если тебя уж так туда тянет, попробуй войти, переступив через мой запрет. Но учти: у меня длинные руки. И ведь я всего лишь младший страж. А там в каждом зале по стражу, и у каждого следующего руки длиннее, чем у предыдущего. Уже одного вида третьего даже я не могу вынести» [5, с. 254]. Человек из народа опасается и остается ждать. Он проводит в ожидании разрешения всю жизнь, так и не попадая внутрь. Оказывается, эти открытые ворота, из которых исходит немеркнущее сияние, предназначены именно ему: «здесь никого больше не допустили бы, потому что этот вход предназначался только для тебя» [5, с. 254–255]. Взаимодействие судебного организма и населения происходит непосредственно, на уровне межличностной коммуникации, техник и тактик давления, компромисса и манипуляции. Это борьба за преимущества и выгоды — «перекрестный и бесконечный “шантаж”» [12, с. 239], — никогда и никоим образом не принимающий в расчет Закон, но всегда происходящий в шаговой доступности от него.

Кафка дает не только аллегорическую, но и более приземленную трактовку феномену фактической замены закона системой устойчивых связей между властью и населением, вновь отсылая нас к феномену суверенной власти. Так, он сетует: «Единственный зримый, бесспорный закон, подчиняться которому мы обязаны, — это аристократия, и ради этого единственного закона мы должны утратить самих себя?» [13, с. 391–392] Таким образом, отношение человека к Закону конвертируется в отношение власти и человека, оно не основано на Законе, а на сложившейся практике властеотношений, подменяющих Закон. В условиях, когда отдается безусловное предпочтение процессу перед законом, это тем более очевидно. «Так же обстоят дела и с правосудием, открывающим против К. свое судопроизводство. Оно, это судопроизводство, уводит нас в правремена... Ибо здесь писаное право хотя и существует в сводах законов, но существует скрытно, негласно, благодаря чему первобытность, опираясь на такие законы, тем безнаказанней может творить свой безграничный произвол» [14, с. 53–54].

Заключение (Conclusions)

Итак, суверенная власть способна, исходя из своих стратегических приоритетов, постановить приговор, даже не начиная процесс. Напротив, биовласть, исходя из своих стратегических целей, готова бесконечно продолжать процесс, не доводя его до приговора. Суверенная власть способна к применению концентрированного насилия, терроризируя население, в то время как биовласть использует насилие дозированно, но настойчиво, так, что человеку придется либо сдаться и стать «нормальным» в том значении, которое придает этому биовласть, либо остаться непреклонным, «ненормальным» с точки зрения биовласти, и быть изолированным. А что же Закон? Закон, излучая сияние сквозь врата, ведущие к нему, безмолвствует.

Библиографический список

1. Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975–1976 учебном году / пер. с фр. Е. А. Самарской. СПб. : Наука, 2005. 312 с.
2. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова ; под ред. И. Борисовой. М. : Ad Marginem, 1999. 480 с.
3. Серто М. де. Изобретение повседневности. Кн. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.
4. Кафка Ф. В исправительной колонии // Избр. : сб. М. : Радуга, 1989. С. 370–388.
5. Кафка Ф. Процесс : роман. СПб. : Амфора, 2000. 351 с.
6. Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М. : Европа, 2011. 256 с.
7. Попов Д. В. Развитие инструментов биополитической регуляции населения как основание кризиса биополитики // Вестн. Ом. гос. пед. ун-та. Гуманитар. исслед. 2020. № 4 (29). С. 39–44. DOI: 10.36809/2309-9380/2020-29-39-44
8. Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974–1975 учебном году / пер. с фр. А. В. Шестакова. СПб. : Наука, 2005. 432 с.
9. Арендт Х. О насилии / пер. с англ. Г. М. Дашевского. М. : Новое издательство, 2014. 148 с.
10. Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни / пер. с нем. и англ. В. В. Бибикина ; под ред. Д. М. Носова. СПб. : Алетейя, 2000. 437 с.
11. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация. О боли / пер. с нем. А. В. Михайловского ; под ред. Д. В. Складнева. СПб. : Наука, 2000. 539 с.
12. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с фр. С. Ч. Офертаса ; под общ. ред. В. П. Визгина, Б. М. Скуратова. М. : Праксис, 2002. 384 с.
13. Кафка Ф. К вопросу о законах // Избр. : сб. М. : Радуга, 1989. С. 391–393.
14. Беньямин В. Франц Кафка / пер. с нем. М. Рудницкого. М. : Ad Marginem, 2000. 320 с.

References

- Agamben G. (2011) *Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [*Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*]*. Moscow, Evropa Publ., 256 p. (in Russian)
- Arendt H. (2014) [*On Violence*]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 148 p. (in Russian)
- Arendt H. (2000) [*Vita Activa Oder Vom Tätigen Leben*]. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 437 p. (in Russian)
- Benjamin W. (2000) [*Franz Kafka*]. Moscow, Ad Marginem Publ., 320 p. (in Russian)
- Certeau M. de (2013) [*L'invention du Quotidien. Vol. 1. Arts de Faire*], Saint Petersburg, European University Publ., 330 p. (in Russian)
- Foucault M. (2002) [*Dits et Écrits*]. Moscow, Praxis Publ., 384 p. (in Russian)
- Foucault M. (2005) [*Il Faut Défendre la Société*]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 312 p. (in Russian)
- Foucault M. (2005) [*Les Anormaux*]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 432 p. (in Russian)
- Foucault M. (1999) [*Surveiller et Punir. Naissance de la Prison*]. Moscow, Ad Marginem Publ., 480 p. (in Russian)
- Jünger E. (2000) [*Der Arbeiter. Herrschaft und Gestalt. Die Total Mobilimachung. Über den Schmerz*]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 539 p. (in Russian)
- Kafka F. (1989) K voprosu o zakonakh [On the Question of Laws]*, *Selected Works*. Moscow, Raduga Publ., pp. 391–393. (in Russian)
- Kafka F. (2000) *Protsess* [*Process*]*. Saint Petersburg, Amfora Publ., 351 p. (in Russian)
- Kafka F. (1989) V ispravitel'noi kolonii [In a Penal Colony]*, *Selected Works*. Moscow, Raduga Publ., pp. 370–388. (in Russian)
- Popov D. V. (2020) Razvitie instrumentov biopoliticheskoi regulyatsii naseleniya kak osnovanie krizisa biopolitiki [Development of Tools for Biopolitical Regulation of the Population As the Basis of the Biopolitical Crisis]*, *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research], no. 4 (29), pp. 39–44, doi: 10.36809/2309-9380-2020-29-39-44 (in Russian)

* Перевод названий источников выполнен автором статьи / Translated by author of the article.